

Kirill KRAFTZOFF

“We had an outstanding school...”

Кирилл КРАВЦОВ

«Школа у нас была замечательная...»

Первые воспоминания

Первое, что осталось в памяти,— это вступительный экзамен. Я учился на подготовительном у М. И. Рейзенштока и поступал уже «играющим». Мне было шесть лет, и я тогда еще не знал, что во время выступления надо волноваться. Довольно бодро и бесстрашно я «отпиллил» две пьесы и заинтересованно посмотрел на членов комиссии. Эммануила Григорьевича Фишмана я сразу записал в директора — этот убеленный сединами, представительный джентльмен в моем детском сознании не мог быть никем иным. С улыбкой глядя на меня, он произнес: «Ну, сольфеджио не понадобится, с этим все ясно». Что ясно, я не совсем понял, но еще более уверился, что он тут самый главный. Так я стал учеником нашей замечательной школы.

Recollections about the Secondary special music school by Kyryll Kravtsov, who finished it in 1989. He is a cellist, conductor and teacher, as well as the artistic director of Rastrelli Cello Quartet. K. N. Kravtsov talks about his admission to the school, his teachers and friends. He also shares his opinion concerning the music education system and knowledge, necessary for a modern musician.

Keywords: K. N. Kravtsov, Secondary Special Music School of the St. Petersburg Conservatory, M. I. Reizenshtok, E. G. Fishman, L. I. Kostyukevich, I. P. Nazaryan, T. A. Vasilyeva, A. L. Baltacheeva, Ya. Y. Marr, A. N. Vasilyev.

Воспоминания о школе-десятилетке Кирилла Николаевича Кравцова — выпускника десятилетки 1989 года, виолончелиста, дирижера и педагога, руководителя Rastrelli Cello Quartet. К. Н. Кравцов рассказывает о своем поступлении в школу, учителях и друзьях, а также делится мыслями по поводу системы музыкального образования и знаний, необходимых современному музыканту.

Ключевые слова: К. Н. Кравцов, Средняя специальная музыкальная школа Санкт-Петербургской консерватории, М. И. Рейзеншток, Э. Г. Фишман, Л. И. Костюкевич, И. П. Назарян, Т. А. Васильева, А. Л. Балтачевая, Я. Ю. Марр, А. Н. Васильев.

Главные учителя

Сейчас мне 45 лет, и я отец двоих детей — школьного и дошкольного возраста. Родительский опыт позволяет по-новому взглянуть на моих учителей, на их недостатки и достоинства — все мы люди и можем ошибаться. Но и сегодня я считаю, что педагогический состав в мое время был очень сильный. Возможно, не очень подкованный в плане детской психологии с научной точки зрения, но инстинктивно находящий правильный подход к детям. В первую очередь, конечно, хочу поблагодарить М. И. Рейзенштока, который научил меня азам игры на виолончели. Он был очень силен в работе с маленькими детьми. Сегодня у меня есть очень большой концертный и преподавательский опыт, и, пожалуй, я нигде не встречал такого мастера по работе с маленькими виолончелистами. Все ребята, прошедшие через его класс, востребованы в виолончельном мире. Еще он очень честный и прямой человек, что, как известно, не всегда способствует развитию карьеры.

Мне очень повезло с классными руководителями. Любовь Ивановна Костюкевич и Инна Павловна Назарян были порядочными и профессиональными людьми, и сейчас я понимаю, что они просто очень любили нас. Я знаю, что отношение к Инне Павловне ее бывших учеников неоднозначное, но для меня она всегда остается одним из самых любимых учителей. Она органически не переносила ложь и любые формы приспособленчества, умела признавать и исправлять свои ошибки. Приведу один из многочисленных примеров. У нас в классе был искусственно созданный общественным мнением

«музыкальный гений», из которого впоследствии ровным счетом ничего не вышло. Он не отличался прилежностью во всех, кроме специальности, дисциплинах, еле переползал с двойки на тройку. Инна Павловна была учителем физики. Полагаясь на мнение музыкальных специалистов, она всегда защищала его от вылета из школы. Он этим с удовольствием пользовался и часто говорил, что ему надо освободиться от уроков, чтобы позаниматься. Сам же шел гонять в футбол во двор. Мы все об этом знали, но никто не открывал правды, потому что класс у нас был отличный и «стукачество» было немислимо. Однако каждый из нас задавался вопросом, почему это мы сидим в кабинете физики, а дарование на свежем воздухе развлекается. Гром грянул, когда Инна Павловна случайно заглянула во двор и обнаружила «прилежно занимающегося» взмыленным и орущим: «Го-ол!» Негодованию ее не было предела. После этого протекция немедленно была свернута, и последний год в школе ему пришлось ходить на все уроки, оставаться на дополнительные занятия и наверстывать упущенное, чтобы избежать исключения.

Но самым любимым моим учителем была учительница литературы Татьяна Ароновна Васильева. Я всегда был читающим, не вылезал из библиотеки, и мне безумно нравилось, как тонко и неформально она преподает литературу. Я часто оставался на перемене

в ее классе после урока, и мы разговаривали о книгах. Она открывала мне скрытый смысл, заложенный в словах, и философию, о которой я в том возрасте имел самое смутное представление. Еще хочу отметить учительницу истории Аллу Львовну Балтачеву. История — это одно из моих хобби. Мое обучение у нее пришлось на период перестройки. Я искренне сочувствовал этой учительнице. В то время каждый день меняли официальную историю нашей страны. Герои становились врагами и наоборот, принцип диалектического материализма был предан анафеме. В течение двух-трех месяцев все ее энциклопедические знания оказались «лженаукой», вредными и неправильными. Надо отдать ей должное — она не сломалась и продолжала преподавать историю так, как видела она. Всегда уважал людей, не поступающих принципами в угоду обстоятельствам.

Расскажу забавную историю.

У одного из моих одноклассников, Волика Гринмана, был дедушка-скрипач. Настолько пожилой, что, по его словам, «вот этими вот ушами слышал молодого Бусю Гольдштейна и Додика Ойстраха детьми на сезонах в Кисловодске!» Он обожал скрипку и мечтал, чтобы его внук тоже стал великим скрипачом. Предсказуемо, что его сын и отец Волика, Иосиф, тоже был скрипачом. Он работал в оркестре в Лиссабоне.

Мы часто собирались у Волика на квартире, чтобы вместо занятий посмотреть на видеомagneтофоне новый боевик. Дедушка страшно переживал, что мы впустую тратим время, подбегал к телефону и, не набирая номера, кричал в трубку: «Алло! Это международная? Дайте мне Лиссабон! Лиссабон? Дайте Осю Гринмана! Осенька? Приезжай, у Волика бедлам! Они совсем не занимаются!»

Друзья

Я в дружбе очень консервативен, и с кем дружил в школе, дружу и спустя 39 лет.

Я, Яков Марр и Алексей Васильев всегда сидели в классе рядом и в 12 лет начали вместе играть рок, чем и продолжаем заниматься с большим удовольствием. Класс у нас был славный, но разобценный на группы по интересам. Наверное, поэтому мы никогда не собирались на встречи одноклассников после окончания школы. Всех очень сильно разбросало по миру. Одноклассники «рассыпаны» от Лос Анжелеса до Бали. Поддерживаю теплые отношения с отличными музыкантами Марией Федотовой в Питере, Сергеем Григорьевым в Москве и Сергеем Оскоцким, который играет в Los Angeles Philharmonic. Всегда встречаемся с ним, когда я бываю на гастролях в Калифорнии.

В классе со мной учился Денис Григорьев — математический гений. Он был настолько силен в точных науках, которыми занимался самостоятельно, что часто указывал учителям на их ошибки. После школы он предсказуемо поступил не в консерваторию, а в университет

«Школа у нас была замечательная...»

на физмат. К сожалению, у меня нет контакта с ним, но не сомневаюсь, что он вырос в крупного ученого.

Благодаря Фейсбуку нашел многих одноклассников, которые отошли от музыки. Тепло делимся воспоминаниями и фотографиями детей.

Вообще, десятилетские связи очень сильны в музыкальном бизнесе. Часто пересекаюсь на гастролях с другими выпускниками, выступаем вместе на фестивалях. Что-то неуловимое нас всех связывает, наверное, принадлежность к одному племени школы-десятилетки.

Заключение

Школа у нас была замечательная. Единственное, что бы я изменил, если бы снова начал учиться в школе, — больше уделит бы внимания общеобразовательным предметам и языкам и меньше бы занимался на виолончели. Тогдашняя система ставила специальность, игру на инструменте во главу обучения, в ущерб другим, не менее важным дисциплинам. В результате при выпуске многие из нас отлично владели ремеслом, но наш кругозор был весьма ограничен. Все это пришлось наверстывать позже — языки, философию, экономику, право и другие очень нужные современному артисту знания.

Без этого сегодня совершенно невозможно сделать карьеру — мир очень сильно изменился. Недостаточно просто хорошо играть на своем инструменте, надо быть

многогранной личностью. Необходимо разбираться в разных музыкальных стилях, владеть двумя-тремя языками, иметь представление о налогах и правовых аспектах музыкального бизнеса разных стран, уметь выстроить логистику концертного турне и владеть массой других, весьма отдаленных от музыки навыков.

Я бы посоветовал молодому поколению максимально углубленно заниматься камерной музыкой и оркестровым делом. Будем честными: о чем бы ни мечтали наши родители, шанс сделать мировую сольную карьеру сегодня стремится к нулю. Гораздо более востребованы хорошие исполнители камерной музыки и оркестранты. Музыкальные границы жанров стираются. Все мои западноевропейские друзья блестяще играют Моцарта, блюз и барокко, могут быть в первом отделении концерта концертмейстерами оркестра и солистами, а во втором — вести вторые скрипки или дирижировать. Не менее важны регулярные занятия спортом. В школе считалось нормой любыми способами получить освобождение от физкультуры. Это недопустимо! Музыкант должен быть закален и крепок физически, чтобы легко переносить трудности гастрольной жизни. Мне случалось играть 50 концертов за 60 дней, включая длительные переезды и перелеты через океан. Без соответствующей физической подготовки перенести все это было бы во много раз труднее.

Многогранность и фундаментальность знаний в самых разных областях — залог успеха сегодня.

